Валентин СОРОКИН: «...Я СЛОВО СВОЁ ГОВОРЮ»

25 июля исполняется 85 лет Валентину Васильевичу Сорокину, поэту классической мощи и звучания, давнему другу нашей газеты. Желаем ему радости, здоровья и вдохновения! Многая лета, дорогой Валентин Васильевич!

ПЫЛАНИЕ ЗАРИ

Этот вечер, красный, красный,
Потому что солнца шар,
Раскалённый и опасный,
Полыхает, как пожар.

Этот вечер нежный, нежный,
Потому что там, в душе,
Гром, высокий и мятежный,
Силы выплеснул уже.

Эти звёзды, умирая,
В ночь слетят, и, чуть слышна,
Мир от края и до края
Околдует тишина.

Даже луг не заискрится,
Лось не выпрет на тропу,
И не крикнет филин-птица,
Озираясь на дубу.

И опять меня из дома
Ни сестра моя, ни мать, —
Будет горько и знакомо
Чей-то голос поднимать.

Не боясь и не страдая,
Я готов сойти туда,
Где звенят, не увядая,
Наши страсти и года.

* * *

Синева тепла и глубока.
Озеро.
Гранит мерцает ало.
Может быть, подошва Ермака
На него когда-нибудь ступала.

Всё даётся кровью и огнём,
Яростью ушедших поколений.
Солнечным обласканные днём,
Дремлют стаи редкие селений.

Каждый холм — для славы пьедестал.
Здравствуй,
синеокая свобода!
В миг, когда рождается металл,
Силы прибывает у народа.

Страсти пролетарские, порог
В светлое, где соловьи и зори.
Только труд, а не обман и торг.
Вздох души, как облако в просторе.

Лишь ковыль волнуется, шурша.
И всплывает песня из тумана
Про высокий берег Иртыша
Над седой могилой атамана.

КАК Я ЖИЛ...

Как я жил, собой не дорожил,
Бил по цели с ходу, с разворота.
Сотни песен, что одну, сложил,
Имя ей — жестокая работа!

Был я резок, только не фальшив,
Шёл вперёд я, хоть река, хоть море,
Потому в глазах моих больших
Навсегда остановилось горе…

СОЖАЛЕНИЕ

Быть сильным — такое несчастье,
Такая дурная беда.
Тебе выражают участье,
Но чтобы помочь — никогда.

Болтают друзья меж собою,
За чаркою, праздничным днём:
— Его не свалить и гурьбою! —
Мол, разум и сила при нём.

И ты, испытавшая горе,
Огонь, пепелящий меня,
Киваешь согласием в хоре,
Мой разум и силу ценя.

Я проклял и разум, и силу,
Я знаю: в недобром году
Внезапно и молча в могилу,
Никем не утешен, сойду.

И кто-то вздохнёт осторожно
И выскажет нежности пыл:
— Ему позавидовать можно,
Он впрямь
несгибаемым был!

И полдень взлетит, голубея,
К зениту на крыльях тугих.
…Нет, я не сильней, не слабее,
Я — только стыдливей других.

Встречая неправду привычно,
Я время и жизнь не корю.
И там, где молчать неприлично,
Я слово своё говорю.

Я КЛАНЯЮСЬ СССР

Посвящаю Юрию Бондареву

Покоя нет, да и защиты нет,
И утешеньем скоро не согреться.
Ты простучало столько тяжких лет
И всё стучишь, не отдыхая, сердце.

Мы пережили не одну войну
И не одну беду искоренили,
А не спасли великую страну —
Её во мгле Кремля похоронили…

Мать умерла, седей самой пурги,
Мать умерла — и жутко на планете:
Её травили умные враги,
Мать умерла, и мы в раздоре, дети.

Я слышу этот вековечный яд,
Я вижу, вижу, в храмах со свечами
Одутловато палачи стоят
И водят цэрэушными плечами

Мать умерла!..
Тоскую
И скорблю,
Сыновней виноватостью томимый,
Её черты иконные ловлю
В простых движеньях женщины любимой.

Мы, бывшие герои стратосфер,
Свой путь не можем
объявить напрасным.
Я кланяюсь тебе, СССР,
Я присягал твоим знамёнам красным!

Наш суд над погребением не снят,
Изменники не знают укорота,
И если не они себя казнят —
Христос казнит предателей народа.

Когда мерцают грустно и горят
Немые звёзды в колоколе ночи,
Мне кажется, со мною говорят
Моей страны доверчивые очи.

Пусть укрепит сердца нам вещий риск
И ратное незыблемое поле,
Где каждый крест
и каждый обелиск
Звенит во имя Родины и воли!

ЛУННОЕ КРЫЛО

Спустилась ночь
своей тропою быстрой,
А на холмах в березняке светло,
Пока плывёт долиной сребристой
Луны золотопёрое крыло.

О, до сих пор душа моя слепою
Не стала, а сияет и горит,
Как будто бы ещё не раз тобою
Меня всевышний отблагодарит.

Как будто в жизни, кроме поцелуя,
Одна тщета и скука, потому
Ещё сильней, ещё верней люблю я
И не отдам до смерти никому.

Как будто мы давно уже распяты,
И родина распята до конца,
А наши дети — вьюгою объяты,
Монгольской вьюгой крови и свинца.

Такие льды скрипят за берегами,
Моей земле, такая гололедь,
Что кроме смерти, посланной врагами,
Нам ничего уже не разглядеть.

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Облака идут-плывут на воле.
Звон мечей затих и стук подков.
Отдыхает Куликово поле
В синеве торжественных веков.

Лишь ковыль над ратью побеждённой
Движется, как вешняя вода.
И, в другие времена рождённый,
Прибыл я поговорить сюда.

Присягаю и холму, и броду,
И дубраве,
где от зорь темно…
Неужели русскому народу
Умереть в просторах суждено?

Я не зря стою, припоминаю,
О, ему действительно везло:
И чужие, и свои мамаи
Кровь его расшвыривали зло.

И чужие, и свои топтали
Ярость искромётную, дабы
Счастье не овеивало дали,
Месть не поднималась на дыбы.

Будто в наши долы и в лагуны,
В сёла горькие и в города
По тропе иуд втекают гунны,
Безнаказанно и навсегда.

И предел страданию людскому
Я пока не вижу впереди,
Коль тоска по Дмитрию Донскому
Тихо заворочалась в груди.

Под луною ничего не ново,
Слёзы вдов укажут путь волнам.
Помоги ты, поле Куликово,
Выжить нам
и выздороветь нам!

ОТБЛЕСК ПОБЕДЫ

О выставке «Архитектура памяти»

"Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты".
Владимир Высоцкий

В ЛИБЕРАЛЬНОМ СТАНЕ бытует похабный тезис о том, что культ Победы начался лишь в середине 1960-х, да и то с целью потрафить "дорогому Леониду Ильичу", трепетно вспоминавшему о фронтовых дорогах. "Малая земля — геройская земля / Братство презиравших смерть", — проникновенно выводил Муслим Магомаев, хор ему вторил, а музыка Александры Пахмутовой лилась волшебным потоком. Народ же, дескать, считал Вторую мировую жестокой бойней, которую и поминать-то горько.

Выкушать стопку — за себя и за того парня — занюхать корочкой и довольно. И рефрен — 9 мая стал выходным днём в 1965 году! Правда, умалчивается, что в 1946—1947 годах он всё-таки значился нерабочим. Наши либералы — убогие да неумелые подтасовщики. Это не было связано с умалением Победы: страна подымалась из руин и не давала себе права на "лишний" выходной, но 9 мая устраивались торжественные вечера и фейерверки. Целый день простоя? Никак нельзя. А вечером — салют.

Однако уже в 1943—1944 годах возникла потребность в увековечении памяти. Начались конкурсы, где зодчие представляли пантеоны славы, роскошные комплексы и парки, жилмассивы, замышлявшиеся на месте разрушенных кварталов. Многое из этого было воплощено — ещё больше осталось на бумаге. Авторы соревновались в изысках и пафосе, предлагая нереализуемые, дорогостоящие проекты. Вместе с тем, в ходе творческих дерзаний рождался новый триумфальный стиль. И если довоенная классика 1934—1941 годов базировалась на дорическом и тосканском ордерах, на сумрачной лапидарности постконструктивизма, то Победа вызвала к жизни барочно-ренессансные формы, смешиваемые в самых фантастических пропорциях. Пришёлся ко двору и затейливый наполеоновский ампир, выпестованный Жаном-Франсуа Шальгреном. Но обо всём по порядку!

В Государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева открылась выставка "Архитектура памяти", обращённая к теме увековечения подвига. Начало экспозиции вовсе не праздничное: нам рассказывают, как в 1941 году сам Борис Иофан — придворный зодчий товарища Сталина — в содружестве с Николаем Колли, одним из самых востребованных мастеров 1930-х годов, разрабатывали план маскировки Москвы. Поверх ценных объектов громоздились "леса", "развалюхи", "деревянные домики" — всё в кавычках. То были искусные обманки. Архитектурные иллюзии, как жанр, возникли в Галантном веке — для увеселений и розыгрышей, но ценный опыт пригодился в суровую годину. Дезориентированные фрицы бомбили пустоту, а желанные цели пропускали, не видели.

После этого мы попадаем в метрополитен — сеть стратегических объектов, возведению которых не помешала даже война. Достраивается "Автозаводская" (архитектор А. Душкин), замышленная ещё перед войной, правда, и здесь на одной из мозаик отображён монтаж гусениц для танка КВ-1, а вот станции 1943—1945 годов полностью несут на себе отпечаток жестокого времени: с 1943 года появляются "римские" лавровые венки, изображения воинов и оружия. Один из вариантов оформления станции метро "Новокузнецкая" (архитекторы В. Гельфрейх и И. Рожин) походил на пантеон, где роли богов исполняли действующие военачальники. Потолок и своды — кессонные, что усиливало эффект близости двух эстетических парадигм: советской и древнеримской. Во всём ощущалось нечто загробно-языческое. Утверждённый проект И. Таранова и Н. Быковой оказался более светлым: тому способствовали мозаичные "небеса"; но война присутствовала и тут, в виде фризов с родами войск и медальонами с полководцами прошлого. Стилистика наземного павильона "Семёновской" (архитектор С. Кравец) восходит к триумфальным аркам, а неф станции напоминает античный храм. Послевоенные сооружения — помпезно-триумфальны и радостны, в дворцовом вкусе, даже если посвящены солдатам и баталиям. Тому пример — кольцевая Таганская (архитекторы К. Рыжков и А. Медведев). Метро — это и бомбоубежище. О вражеских налётах повествуют фотографии, сделанные на станции Сокол: прямо на путях расположились уставшие люди. Они беседуют, читают, убаюкивают детей. Человек всегда остаётся человеком!

Среди экспонатов есть эскизы временных памятников для массовых захоронений и братских могил. Это — малоизученный вопрос, поэтому деревянные звёзды (автор Н. Гайгаров) вызывают живой интерес.

Проект оформления перронного зала станции метро «Новокузнецкая», авторы В. Гельфрейх и И. Рожин

По мере того, как из городов и сёл изгонялись фашистские гады, начиналось восстановление нормальной жизни. К работе привлекались такие мэтры, как Алексей Щусев. На выставочных стендах — щусевские опыты реконструкции подмосковной Истры. Требовалось в кратчайшие сроки возвести качественное, дешёвое и эстетически привлекательное жильё. Щусев придал постройкам лёгкий "усадебный" колорит XIX столетия — в тон русской провинции. Тут же — реставрационные материалы, касающиеся возрождения древних новгородских памятников и Воскресенского собора в Новом Иерусалиме. Отдельная страница — город, названный именем Сталина, более всего пострадавший от военных действий. Подразумевалось, что Сталинград будет ещё прекраснее, чем был.

Центральная часть выставки — нереализованные проекты мемориальных комплексов и памятных ансамблей. Они поражают своей прихотливой и где-то изощрённой фантазией. Так, Андрей Буров представил музей обороны Сталинграда — грандиозный зиккурат высотой 150 метров. Боковые поверхности уступов покрыты античноренессансными фризами с воинской символикой, они чередуются со скульптурными изображениями …человеческих рук, сжимающих автоматы. Последние были восприняты без восторга, хотя сама конструкция вызвала неподдельный интерес. Журнал "Современная архитектура" в 1946 году писал: "Проект А.К. Бурова отличается свежестью и остротой композиции. Но пластическая разработка монумента дана слишком эскизно, — и вовсе неудачная вереница рук, держащих автоматы". В тот момент оно казалось хтонической жутью, что не помешало использовать спорный мотив уже в Новороссийском комплексе "Рубеж обороны", но уже в 1970-х годах, когда искусство тяготело к постмодернистскому символизму и "руки" не пугали зрителя.

Партизанский Пантеон, предложенный Владимиром Кринским — это аллегория в духе Джованни Пиранези. Громадный бастион — в нём ощущалась мощь Древнего Рима, смешанная с мистическими откровениями Вавилона и Ассирии. Сама формулировка "Пантеон партизан Великой Отечественной" — это невероятная игра сознания, так как пантеон — храм всех богов. Атеистическое государство активно формировало своеобразный деизм: от веры в коммунистическое завтра до религии Победы, в честь которой и воздвигались культовые стелы, изваяния, алтари. Ещё один яркий пример — Храм Славы — коллективное творение Андрея Бурова и Степана Сатунца: белоснежные колонны, купол, золото и солярная символика.

Не менее пышны "светские" постройки. Музей Отечественной войны, мыслившийся прямо на Красной Площади вместо ГУМа — один из наиболее перспективных и волшебных проектов Льва Руднева. Он вспомнил всё, что знал о Форуме Романум, палаццо дожей и французском барокко. Главная особенность — эклектическая чрезмерность. Хотя, не все авторы стремились к выразительной избыточности. Конструктивист Илья Голосов, перековавшийся ещё до войны в неоклассика, выступил с лаконичным эскизом: скульптура Георгия Победоносца, разящего змея, на фоне стилизованной кремлёвской стены. По бокам — старинные пушки с ядрами. Однако подобная простота в те годы мало, кого вдохновляла.

Следующий этап — мемориал в берлинском Трептов-парке, оформленном с намёками на русское барокко, но с грозной фигурой-напоминанием в виде воина-освободителя (автор Евгений Вучетич). В логове добитого врага стоит великодушный солдат. Прототипов было два: туляк Николай Масалов и белорус Трифон Лукьянович — оба спасли немецких девочек в ходе ожесточённых городских боёв. Также на выставке можно увидеть варианты статуй для Мамаева кургана. Родина-мать могла быть и скорбной, как Дева Мария эпохи готики, и статично-умиротворённой, как Афина Парфенос.

В 1950-х—1960-х изменились и общественно-политическая жизнь, и стилевая доктрина. К двадцатилетию Победы планировались новые мемориалы и памятники, но уже модернистские по форме. Вот — типичное произведение эры Оттепели — проект памятника защитникам Ленинграда (арх. Т. Беленькая с коллективом); чёткость и линеарная скупость. Перед нами — силуэт осаждённой крепости и никаких барочных воинов, увитых лаврами цезарей.

В конце 1950-х родилась концепция Поклонной горы как музейного комплекса, и 23 февраля 1958 года там установили гранитный знак с надписью: "Здесь будет сооружён памятник Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов". Идея вынашивалась чиновниками, градостроителями, дизайнерами, но тема чуть-чуть сдвинулась с мёртвой точки лишь в середине 1980-х, когда был объявлен всесоюзный конкурс и выделены средства. Но — увы. Опять велись дискуссии, кого-то продвигали, а кого-то вычёркивали. Группа ветеранов Отечественной войны обратилась в газету "Советская Россия" с письмом, опубликованным 1 апреля 1987 года: "Потеряно 30 лет. Но это не только время. Ведь победу завоевали своею кровью советские люди… Неужели никому из тех, кто защищал свою Родину и весь мир от коричневой чумы, так и не удастся увидеть общенародный монумент в честь нашей Победы? Считаем, что партийные органы Москвы, творческие союзы должны приложить все силы к тому, чтобы исправить положение и открыть мемориал к сорокапятилетию Победы". Впрочем, не все граждане были единодушны. Активисты популярнейшего общества "Память" устраивали пикеты против застройки Поклонной горы, считая её саму по себе культурным объектом. Но процесс казался неостановим. Сейчас уже трудно выявить истину — Поклонная гора в её нынешнем виде сделалась частью московского ландшафта. На экспозиционном стенде — эскизы мэтров. Тут и скульптуры Николая Томского, и замыслы архитектора Михаила Посохина. В финале мы видим знакомые силуэты Музея Победы (архитектор А. Полянский) и памятников Зураба Церетели, к коим привыкли за долгие годы созерцания.

Несмотря на то, что выставка небольшая по объёму, она ёмкая и наполненная. Это долгая, увлекательная и очень красивая повесть о культе Победы, вернее — о религии Победы. По сути, о том немногом, что осталось у нас в качестве цементирующего материала. И, как сказал русский бард Владимир Высоцкий: "Горящее сердце солдата". Вечный огонь. Дай Бог, чтобы вечный.

Галина ИВАНКИНА

КОД КАЛИТИНА

К 60-летию философа

КОНЕЧНО, философы ощущают и осмысляют время иначе, чем мы, люди, смотрящие на жизнь в простоте, но годы, как верстовые столбы, мелькают для нас, верхоглядов, и для них, любомудров, с одинаковой, увы, скоростью. Вот исполнилось 60 лет и моему давнему товарищу — Петру Калитину, философу, историку, публицисту, прозаику, поэту…

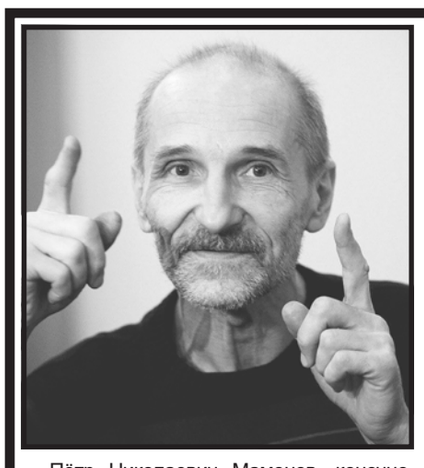
Человек кипучей энергии и раблезианского жизнелюбия, он не производит впечатление углублённого в себя мыслителя. Но это впечатление обманчиво. Достаточно вспомнить его блестящие исследования русской философии и культуры конца XVIII — начала XIX века, изучение взглядов представителей учёно-монашеской школы Платона (Левшина) — Филарета Московского. Калитин одним из первых в современной литературе проанализировал философские воззрения Амвросия (Подобедова), Гавриила (Петрова), Дамаскина (Семёнова-Руднева), Евгения (Болховитинова), Феофилакта (Горского) и др. Пётр Калитин, опираясь на "воображаемую логику" Николая Васильева, вывел ни мало, ни много — уравнение Русской идеи!

Книги Калитина читать непросто: в них много парадоксов и той сложности, в которой автор чувствует себя как рыба в воде. Будучи поэтом, он в философских текстах играет корнесловиями похлеще иных будетлян. Его подтекст порой напоминает десятиярусную подземную автостоянку под двухэтажным домом. Он человек, не просто оригинально мыслящий, он человек, мыслящий вызывающе дерзко, иной раз — на грани понимания. Для чтения таких его книг, как "Мёртвый завет" или "Тысячелетнее царство русского юродства", нужна подготовка и стремление принять калитинский код миропонимания. Но не всякому это по плечу. Я, например, с удовольствием могу выпивать с юбиляром за его здоровье — вплоть до утреннего нездоровья, — но пуститься с ним в философскую дискуссию никогда себе не позволю. Сразу положит на лопатки и Бодрийяром прибьёт.

Многих тебе лет, дорогой Пётр Вячеславович, новых книг, статей, открытий. Кто знает, может, по твоим гуманитарным формулам и уравнениям будут учить жизни подрастающее поколение в XXII веке? Иной раз то, что кажется современникам заумью, потомки воспринимают как чёткое откровение, как код познания. Будь и впредь, Пётр, среди своих интеллектуальных пиров, как писал твой любимый Пушкин, "неосторожен и здоров"!

Твой Юрий ПОЛЯКОВ

Редакция газеты "Завтра" и коллектив телеканала "День ТВ" присоединяются к поздравлениям.



ШУТ-ОТШЕЛЬНИК

Памяти Петра Мамонова

Пётр Николаевич Мамонов, конечно, требовал любви, а не размышлений. Сей выдающийся эксцентрик был достоянием империи, в каком бы образе ни представал. "Русская народная галлюцинация" — это вам не "перемен" или "поезд в огне". Посему с определённого момента он мог позволить себе общаться с обществом такими мудростями: "Зрелость. Когда становится интересным только одно: быть с Богом" или "Чистота. Как человек живёт, можно судить по урне у него в комнате. Сегодня стал выгребать содержимое на печку и так порадовался — только мятая бумага (ненужные стихи и пометки), инструкция от какого-то лекарства и сломанный карандаш. Хорошо!"

Уход Мамонова с глубокой печалью встретили левые и правые, лоялисты и оппозиционеры, консерваторы и либералы. При том, что Мамонов любыми "партбилетами" демонстративно манкировал. Но Пётр Николаевич был важной частью русского мира, его слова и дела были значимы до самого последнего момента. И таковыми останутся. А русские рок-восьмидесятые будут восприниматься через такие явления как "Звуки Му" в большей степени, нежели в контексте деятельности тогдашних медиазвёзд.

Мамонов был и сознательно оставался шутом, когда иные коллеги по рок-движению превратились в "королей", трибунов. С обязательной поправкой на то, что шут — исторически фигура очень непростая. Да и традиции русского юродства Мамонов полнокровно наследовал. А под маской шутовства Мамонов проговаривал внятные и важные вещи. Пусть порой на грани трюизмов. Но ведь и сила банальных истин в том, что они есть истины.

Переводчик, лифтёр, печатник, кочегар — до своего прихода в рок-н-ролл Мамонов много чего испробовал, и всё это выплеснулось в необузданное рок-кабаре. "Звуки Му" — несомненный культ конца восьмидесятых. Колоритные образы уводили музыку на второй план, хотя и спустя годы выдающаяся подлинность "Звуков Му" жива. Показательно, что несколько лет назад заметная американская инди-группа The National выдала клип Sea of Love, который вдохновлён роликом на композицию "Грубый закат". То был сознательный оммаж американцев русскому отшельнику.

Когда открылось пресловутое окно на Запад, то именно в "Звуках Му" там увидели что-то по-настоящему необычное и интересное. Третий студийный альбом Zvuki Mu был спродюсирован знаменитым английским музыкантом Брайаном Ино. Впрочем, полноценного и долгого сотрудничества не вышло, а сама пластинка получилась скорее компромиссно-проходной, ибо Ино и Мамонов разошлись в подходах к звучанию. Но Ино оставил такое эффектное и показательное впечатление от Мамонова: "В Петре я вижу какой-то очень древний архетип. Такое жуткое ощущение, словно этот человек вылез из Средневековья! Это пугающе и привлекательно одновременно…"

А после успешных гастролей Мамонов объявил о роспуске группы.

"Мамонов одним из первых показал пример непривязанности истинного творчества к славе и богатству. В первые годы перестройки, когда популярность группы "Звуки Му" была уже достаточно велика, социум попытался их приручить, сделать марионетками. Они вдруг резко пошли вверх по ступеням шоу-бизнеса. Их часто показывали по ТВ, пригласили на "Музыкальный ринг", стали крутить на радио, выпустили пластинку большим тиражом. Взамен рассчитывали получить послушных и безобидных овечек. Мамонов тонко почувствовал этот момент и развалил группу, расторгнув тем самым все контракты. Он ушёл в подполье и назвал группу "Мамонов и Алексей"", — заметил в своё время Сергей Жариков.

Не стал Мамонов признанным на западе "диким скифом", зато мы получили "Есть ли жизнь на Марсе" и "Сказки братьев Гримм", "Пыль" и "Остров".

В середине девяностых Мамонов оставил Москву и переехал в деревню. Журнал "Медведь" навестил его и сделал удивлённо-осторожный материал. Не без ёрничества журналист тогда зафиксировал скамейку на пригорке над рекой — мол, "чтобы старичок отдыхал". "Старичку" тогда было лет 45. Впрочем, Мамонов был человеком пространства, а не времени, и уже жил перед лицом вечности. "Спасение — не результат, но процесс", — повторял он вслед за отцом Дмитрием Смирновым, которого весьма почитал.

Опрощение — известный соблазн для богемы. За век до Мамонова в народ ушёл поэт-декадент Александр Добролюбов. Но Добролюбов пустился во все тяжкие, в сектантство, а Мамонов осел в доме, укоренился, пришёл к Церкви. После чего воспринимал своё рок-н-рольное прошлое, мягко говоря, без энтузиазма. Но, подавив в себе демонов разрушения, он оставался большим артистом и музыкантом. В рок-жанре (при всей условности данного определения) ему было тесно, он стремился к большим формам и в итоге вышел на театральные подмостки. Его спектакли многие ставят выше рок- и кинопроектов.

Да и сольные пластинки, начиная с "Шоколадного Пушкина", пожалуй, по сей день не вполне прослушанные и оценённые — значительная история.

Фамилия его, кстати, ну никак не вязалась с отношением к жизни. Мамона — дух стяжательства, синоним наживы, а если брать неортодоксально, то — "бог", властвующий над современным миром. Мамонов и семья, впрочем, от денег не отказывались, но то была народная основательность, нежели алчность. Он всегда жил и действовал очень по-русски, если, конечно, не сводить русскость к узкополитическому содержанию.

За две недели до смерти государство, привычно пропустившее апрельский юбилей артиста, услышало недовольный общественный гул и наградило Петра Мамонова орденом Дружбы "за большой вклад в развитие отечественной культуры и искусства, многолетнюю творческую деятельность". Сам Пётр Николаевич официальное признание встретил уже в коме. Но это тот случай, когда и сама награда, и все стандартные канцеляризмы были более чем оправданны.

Андрей СМИРНОВ